

Bartosz OsiewiczDOI: <https://doi.org/10.31648/apr.4871>

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2208-5386>

osiebar@amu.edu.pl

Опыт эмиграции в поэтическом творчестве Александра Галича

25 июня 1974 года российский драматург, киносценарист, поэт и исполнитель авторских песен Александр Аркадьевич Галич (настоящая фамилия Гинзбург) навсегда покинул Советский Союз, начав эмигрантский период своей жизни, закончившийся три с половиной года спустя трагической смертью в изгнании¹. До выезда за рубежом А. Галич был уже известен как преследуемый диссидент, борющийся за права человека в Стране Советов, и непокорный художник слова, создававший независимую культуру в условиях несвободы². Поэтому тамиздатские журналы встретили очередного изгнанника Третьей волны с нескрываемой симпатией [См. напр.: *У нас в гостях...* 1974, 62–63; Галич 1974, 3]. В них сообщалось, между прочим, о том, что поэт «в обстановке тотальной травли (...) вынужден был покинуть пределы Советского Союза» [Галич 1975, 93]. На их страницах предоставлялось слово и самому литератору, который радовался тому, что оказался на Западе, где царит свобода думать, говорить, печататься [Красовский 1974, 58]. Поэт резко высказывался на политические темы, точно называя причину возникновения трех волн русской эмиграции; изгнание считал миссией:

Советская власть стала плохой не с того дня, когда я, или кто-либо другой, начал считать ее плохой, – сказал он (А. Галич – примечание автора статьи). – Советская власть была плохой с первого дня своего существования. И борьба против нее началась с того же дня. И никогда не прекращалась. Тех, кто боролся, можно во многом обвинять, но в одном, основном, они были всегда правы:

¹ Подробно этот этап творческой биографии Галича рассматривался в первой главе работы *Formy i źródła poezji Aleksandra Galicza* [Osiewicz 2016, 89–101]. Биографический текст Галича стал также основой сценария спектакля *Ballada o Galiczu* (*Баллада о Галиче*, режиссер: Гражина Ятчак, автор сценария: Бартош Осевич) [*Teatr Szutnik...*, online], поставленного Студенческим театром «Шутник» [Студенческий театр «Шутник», online], работающим в Институте русской и украинской филологии Университета им. Адама Мицкевича в Познани.

² Уже в 1972 году в журнале «Грани» говорилось о травле писателя, закончившейся его четвертым инфарктом [См.: Галич 1972, 5].

против советской власти надо было бороться. Поэтому должна существовать преемственность борьбы. То же и с эмиграцией, – одним из отражений этой борьбы. Русская эмиграция началась не тогда, когда я, или кто-либо другой, стал эмигрантом. Эмиграция началась вместе с советской властью [Романов 1978, 2].

А. Галич-эмигрант питал надежды на благополучную жизнь и плодотворную творческую деятельность на чужбине. Однако, как показал жизненный опыт, эмиграция оказалась для писателя серьезным испытанием, оставившим неизгладимый след в его психике и творческом наследии, что упоминалось уже в первых мемуарных публикациях, возникших после трагической смерти А. Галича: «Эмиграция – трагедия для любого человека, для поэта это трагедия вдвойне, ибо для него это еще и ломка психологии, шок, который не может не сказаться на его творчестве» [Андреева 1978, 227].

Художественный текст любого автора, зародившийся благодаря поэтическому вдохновению, является своеобразным «внутренним барометром». Он способен отобразить состояние пишущего субъекта, раскрыть перед читателем глубину его чувств и эмоций, показать особенности его интимного мира. Этот методологический ключ является перспективным для изучения лирики А. Галича-эмигранта, богатой автобиографической составляющей, насыщенной «изгнанническим» пространственно-временным компонентом, а в формально-композиционном плане отличающейся нарушенной гармонией и цельностью. Итак, интересный объект для литературоведческого анализа представляют собой песни-стихотворения поэта и барда, предвосхитившие его эмиграцию, а также лирические сочинения, возникшие уже за пределами его родины. Они являются эмоциональным свидетельством приближавшегося прощания с родной страной, ее культурой, языком, и последовательного разочарования в новой реальности, отнюдь не окрылявшей поэта, а напротив, обеззвучившей его лиру. Эта группа художественных текстов А. Галича детально не исследовалась ни эмигрантологическим литературоведением, ни специалистами по изучению музыкально-поэтического явления авторской песни, поэтому заслуживает повышенного внимания и подробного научного описания.

Особо актуальной становится проблема автобиографической природы поэзии, являющейся, пожалуй, наиболее эмоциональной и сугубо личной среди литературных форм. Поскольку поэтическое творчество объединяет в себе целый спектр художественных возможностей, предоставляемых как лирическими, так и эпическими жанрами, то присущее ему автобиографическое начало отличается особым разнообразием. Одновременно оно связывается с лирическим типом поэзии, сконцентрированной на эмоциональном

внутреннем мире литератора, а также ее нарративной разновидностью, сосредоточенной на таких качествах, как событийность или сюжетность. Таким образом, автобиографический элемент в поэтических текстах может проявляться, во-первых, проецированием авторских ощущений и эмоций, во-вторых, использованием в качестве стихотворных сюжетов, образов и мотивов отдельных историй, событий и происшествий из жизни самого писателя (в данном случае современное литературоведение говорит об «интровертной» и «экстравертной» автобиографических моделях изображения [Sławiński 2000]). О его значении говорил в своей переписке лорд Байрон, «не терпевший произведений полностью являющихся художественным вымыслом», считавший, что «даже самая мимолетная вещь должна иметь некую фактографическую основу» и «быть оживлена личными эмоциями и суждениями» [Żuławski 1986, 24–25]³. Это качество наблюдалось также в творческом мышлении А. Галича и стало существенной частью его лирики последних лет.

Третья волна русской эмиграции, становившись все сильнее в 70-е годы прошлого века, захватывала все новые жертвы. Ими стали яркие творческие личности и борцы за права человека. Многих из них принуждали покинуть Советский Союз в короткий срок (известен случай Александра Солженицына – арестованного и прямо в наручниках доставленного в аэропорт), многих заставляли ждать свой билет на рейс только в одном направлении. А. Галич принадлежал к числу тех авторов, которые предчувствовали приближающийся момент изгнания. Это предчувствие трансформировалось в поэтические строки его сочинений, запечатлевшие личные переживания и обеспокоенность. Оно выражено в автобиографическом стихотворении *Опыт отчаяния*, стержневым мотивом которого является ожидание вынужденного отъезда («И все сидим на чемоданах, / Как на последнем берегу»; «Но мы сидим на чемоданах, / Как пес дворовый на цепи!» [Галич 2006, 263]), сопровождаемое словами страстной молитвы, произнесенной в момент прощания («Прими нас, Господи, незваных, / И силой духа укрепи!» [Галич 2006, 263]). В этой поэтике выдержано и лирико-музыкальное сочинение *Песенка-молитва, которую надо прочесть перед самым отлетом*, имеющее яркий религиозный оттенок. Лирическую ситуацию песни-стихотворения, переполненного мотивами разлуки, тоски и надежды на очередную встречу, составляет, как раз, эмиграция, разлучившая пару близких людей и вызвавшая у них чувства страха, потери и боли. В пределах поэтического текста слышны и звуки молитвы, являющейся непосредственным обращением к Богу с просьбой о покровительстве и помощи в ситуации безысходности:

³ Перевод наш – В.О.

– Помолимся вместе, чтоб этот путь
Стал Божьей твоей судьбой.
Помолимся тихо, чтоб где-нибудь
Нам свидеться вновь с тобой!

Я твердо верю, что будет так, –
Всей силой моей любви!
Твой каждый вздох и твой каждый шаг,
Господи, благослови!

[Галич 2006, 69–70]

В лирике А. Галича периода эмиграции автобиографическая составляющая тесно связана с географическим и топографическим элементами. Их исследование перспективно с применением инструментов, предоставляемых новейшими методологическими ориентациями, среди которых на первый план выдвигается геопэтика. В польском литературоведческом дискурсе термин, введенный Кеннетом Уайтом для обозначения взаимосвязей между авторскими концепциями субъективности, поэтического творчества и внешнего мира [Rybicka 2011, 28], уточнялся, модифицировался и распространялся на другие контексты. Геопэтика, предметом которой, между прочим, является изображение конкретных мест в литературных и, шире, культурных текстах, а также исследование взаимодействий между географическим пространством и литературным творчеством [Rybicka 2014, 13], перекликается с автобиографизмом. Польская исследовательница автобиографизма Малгожата Черминьска, под влиянием идей К. Уайта, разработала концепцию «автобиографических мест», сутью которой является взаимодействие биографии автора, созданных им текстов и геопэтической перспективы. Итак, согласно мнению ученой, «литературное автобиографическое место является семантическим, символическим эквивалентом реального географического места и связанных с ним культурных воображений»; «его элементы обнаруживаются, как в эго-документах (автобиографиях, дневниках, мемуарах, переписке), так и художественной прозе, лирике, эссеистике, а также автокомментариях к творчеству»; для его возникновения необходимы «автобиографическая ориентация писателя и сила его топографического воображения» [Czermińska 2011, 188, 190]⁴. Эльжбета Рыбicka, в свою очередь, говорит о категории авто/био/гео/графии, с одной стороны, отсылающей «к традиции автобиографического и биографического письма», с другой, указывающей на «такой тип литературы эго-документа, в котором история человека понимается через

⁴ Перевод наш – В.О.

призму географических мест» [Rybicka 2014, 282]⁵. Итак, авто/био/гео/графия связывает и объединяет собственно авто/биографию и географическое пространство, формирующее человеческие выборы и поведение, влияющее на жизнь, а не выступающее лишь в качестве «пассивного фона».

Биографически-пространственная парадигма применима для изучения эмигрантской поэзии А. Галича, изгнанного из Советского Союза и странствовавшего по новым для него территориям. В поэтическом творчестве периода пребывания писателя за «железным занавесом» появляются мотивы, относящиеся к географическому пространству Запада. Покинув родину, А. Галич первоначально поселился в Норвегии, ставшей в последствии одним из элементов его поэтического мира и местом на географической карте его биографии. Там возникли два лирических наброска, объединенные общим заглавием *Из «норвежского дневника»*, сфокусировавшим в себе географический и автобиографический компоненты. Первый поэтический текст насыщен атмосферой свободы, олицетворяемой центральным маринистским образом «Фрама». Для субъекта лирики А. Галича судно, построенное в конце XIX века для норвежских исследователей-полярников, получает сакральный оттенок и является «даром мужества и добра» [Галич 2006, 309], заслуживающим преклонения. Таким образом поэт выражает чувство благодарности автору проекта корабля – Фритьофу Нансену, посмертно подарившему свободу самому А. Галичу и другим политическим беженцам из разных стран. Совершенно понятно, что состоящий из семи строк поэтический набросок, написан по горячим следам, поскольку в сознании А. Галича свежими были еще впечатления раннего лета 1974 года, когда поэт в Вене, в посольстве Королевства Норвегии стал обладателем Нансеновского паспорта, снявшего с него «кандалы рабства» и гарантировавшего ему возможность вольного плавания по морям и океанам свободного мира.

Во время эмигрантского периода жизни А. Галич много путешествовал, занимаясь активной культурной деятельностью. Поэт из «узника» превратился в «номада» – как сказал бы о нем К. Уайт. Он успешно выступал с концертами во многих городах Западной Европы. Свои песенные сочинения исполнял и для слушателей в Соединенных Штатах Америки и в Израиле. Впечатляющим для А. Галича оказался визит на историческую родину своих предков, благодаря которому возникла песня *Песок Израиля*. В состоявшем из четырех строф стихотворении, композиция которого построена по принципу параллелизма, говорится о еврейском народе, близость которому подчеркивает

⁵ Перевод наш – В.О.

поэтический субъект. Заглавие произведения отсылает к ветхозаветной Книге Бытия, в которой потомки Авраама уподобляются песчинкам: «И вторично воззвал к Аврааму Ангел Господень с неба и сказал: (...) То Я благословляя благословлю тебя и умножая умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря (...)» (Быт. 22, 15–17). Этот мотив наличествует и в основном тексте стихотворения, сосредоточенном на истории евреев, ознаменованной трагедией оторванности от родной земли и неудержимым желанием вернуться:

Видишь –
 На этих дюнах, под этим небом,
 Наша – давным-давно – началась судьба.
 С пылью дорог изгнания и с горьким хлебом,
 Впрочем, за это тоже:
 – Тода раба! (...)

Сколько
 Утрат, пожаров и лихолетий?
 Скоро ль сумеем им подвести итог?!
 Помни –
 Из всех песочных часов на свете
 Кто-то сюда – веками – свозил песок!
 [Галич 2006, 274–275]

В художественный текст А. Галича вписана и средневековая легенда о Вечном жиде. Личность Агасфера, олицетворяющая скитальческую судьбу евреев [Unterman 2003, 305–306], заставляет поэта задуматься над сутью собственного изгнания и способствует созданию условий для поисков собственной этнической идентичности.

Эмигрантские странствия и скитания А. Галича закончились в Париже, где поэта постигла трагическая участь в декабре 1977 года. Образы французской столицы, рядом с поэтическими рефлексиями других западных точек, в которых побывал поэт, тоже проникли в художественный мир лирики обладающего – пользуясь определением М. Черминьской – «топографической чуткостью» автора. В качестве примера можно привести стихотворение *Падение Парижа*, возникшее в 1976 году. Стержневым мотивом этого сочинения является Эйфелева башня, непременно являющаяся наиболее узнаваемым символом столицы Франции. Однако, субъект лирики А. Галича обнаруживает в ней inferнальное начало. Возникают ассоциации, навеянные ветхозаветной историей Содомы и Гоморры: «Не знаю – долго или скоро, / Но знаю – смертный день грядет: / Когда на согрешивший город / Всем телом

башня упадет» [Галич 2006, 313]. У поющего поэта идеальное представление о Париже, сформированное высокой культурой, не совпадает с реальной картиной. Поэтому может складываться впечатление, что поэтический субъект А. Галича страдает «парижским синдромом», который был выявлен и описан лишь после смерти писателя и рядом с другими «топографическими психическими расстройствами» («афганским», «иерусалимским» или «стокгольмским» синдромами), представляет собой травматическую реакцию на события, связанные с конкретной географической действительностью. Однако литературный образ Парижа в стихотворении А. Галича навеян не только психическим состоянием самого автора, уяснившего несоответствие между воображением и реальностью. Он имеет также интертекстуальный характер, о чем свидетельствует наличие межтекстовых диалогических элементов, которыми в данном случае являются посвящение, представляющее собой дополнительный компонент по отношению к основному тексту, и литературные реминисценции, выступающие в пределах самого текста стихотворения. Их объединяет имя Ги де Мопассана, не оставшегося равнодушным по отношению к железному «проклятию Парижа» и «улыбке сатаны» [Галич 2006, 313].

Разочарование А. Галича-западника в новой действительности и его славянофильское стремление связаться с потерянной родиной выражено в словесно-музыкальном сочинении *Песенка о Диком Западе, или письмоцо в Москву, переправленное с оказией*. В песне А. Галича геопозитический элемент, выделяющийся уже на уровне заглавия и составляющий смыслообразующий центр основной части художественного текста, становится частью глубокой философской рефлексии, которую на протяжении веков вели сторонники славянофильства и западничества. Музыкальная кольцевая композиция песенки-стихотворения акцентирует повторяющиеся мотивы отчуждения и отрицательного отношения к «Дикому Западу». Как и в предыдущем произведении, его образ связывается с мрачными силами зла:

Здесь, на Западе,
Распроданном
И распятом на пари,
По Парижам и по Лондонам,
Словно бесы, –
Дикари!

[Галич 2006, 275].

Прощальным, как оказалось впоследствии, стихотворением А. Галича является неоконченное сочинение *За чужую печаль...* После смерти поэта, его коллеги из редакции журнала «Континент» дали этому произведению название *Последняя песня*⁶. В нем лишний раз ощущается присущий поэту пессимизм (о нем говорилось и в авторских комментариях к песням: «И вот песня, которая, может быть, и не очень веселая, но ведь вы не очень часто слушали меня веселого» [Бетаки 2006, 364]), проецирующийся на строки песни-стихотворения. Субъект лирики А. Галича покидает сцену, понимая, что спектакль не завершен, а песня не допета. Это метафора неизбежности конца, с которым поэт не может смириться. А. Галич обращается и к теме детства, которое здесь является новым началом, вписывающимся в естественный для жизни порядок смены поколений.

Исследуя эмигрантские стихотворения А. Галича, следует также обратить внимание на их фрагментарность. Большинство из них – это не завершенные произведения, а – скорее всего – наброски, являющиеся лишь частью художественных замыслов, нуждающихся в дальнейшем развитии и окончании. Хотя А. Галич всегда тщательно работал над каждой строкой своих стихотворений, а творческий процесс в случае этого автора иногда продолжался целые месяцы, то, учитывая количественный фактор и отрывочность произведений, возникших в эмиграции, следует подчеркнуть, что они являются ярким доказательством наличия серьезного творческого кризиса, а не временных проблем, связанных с отсутствием вдохновения, что, в свою очередь, свойственно каждой творческой личности. Об этом упоминалось и в тамиздатских публикациях, возникших через несколько лет после смерти А. Галича: «Впрочем, стихи писались теперь (в годы эмиграции – примечание автора статьи) трудно: душевный кризис, вызванный переездом, затянулся на несколько лет» [Опульский 1981, 269]. Этот тезис находит также подтверждение в высказываниях самого писателя. Комментируя поэтические наброски, возникшие в Осло летом 1974 года; наброски, которые по свидетельству В. Бетаки, А. Галич считал лишь «„заготовками” для будущих стихов» [Бетаки 2006, 362], поэт и бард жаловался: «Три последние строки тут корявы, и дальше никак не могу, поэтому, написать. (...) Наверное, когда-нибудь я все-таки эти стихи допишу!» [Бетаки 2006, 362]. Однако надежды, питаемые А. Галичем, на этот раз не осуществились. Похожим был удел стихотворного наброска

⁶ Друг и сотрудник А. Галича, Василий Бетаки, в комментарии к сборнику стихотворений поэта подчеркнул, ссылаясь на слова Анатолия Шагиняна, что эта незавершенная песня была случайно записана во время репетиции на радиостанции «Свобода» буквально за часа два до смерти писателя [См.: Бетаки 2006, 364].

1977 года *За чужую печаль...*, к которому А. Галич успел придумать лишь рефрены и мелодию [См.: Бетаки 2006, 364].

В этом ключе можно воспринимать и лирические сочинения *Мартовские стихи* и *Майские стихи*, возникшие в Париже за год до смерти их автора. В. Бетаки высказывает мнение, что они могут являться «куском из длинной так и не дописанной вещи, или из задуманного нового цикла» [Бетаки 2006, 363]. Это положение не является не обоснованным, поскольку в своем творчестве А. Галич объединял свои произведения в авторские циклы (лучший пример – мемориальный цикл *Литераторские мостки* или сатирический цикл *Истории из жизни Клима Петровича Коломийцева – мастера цеха, кавалера многих орденов, члена бюро, Парткомы и депутата Горсовета*), а также пробовал перо в более объемном по форме жанре поэмы (в этом контексте следует называть поэму *Кадииш*, посвященную Янушу Корчаку или *Вечерние прогулки*, получившие жанровый подзаголовок *Маленькая поэма* и посвященные другу А. Галича – писателю-эмигранту Владимиру Максиму). Аргументом, подтверждающим тяготение обоих произведений к циклизации, является общий для них мотив времени, а также использование в качестве заглавных компонентов названий месяцев, являющихся надежным и естественным циклообразующим элементом. Более того, циклообразующая связь между произведениями, гарантирует преднамеренный творческий замысел автора, выраженный на идейном уровне обоих художественных текстов. В *Мартовских* и *Майских стихах* преобладает пессимизм, несмотря на «весенние» заглавия, ассоциирующиеся с новым рождением и положительным началом. Поэтический субъект А. Галича – одинокий, затерянный, покинутый – ищет чудо, ожидает спасения, которое так и не наступает. Оба художественных текста пронизаны и мотивами холода, тления, распада, передающими авторские настроения и эмоции.

В контексте эмигрантской биографии российского поэта и барда интересно звучат слова эго-документов французской писательницы второй половины XVIII – начала XIX веков баронессы Анны де Сталь, выдворенной из Франции Наполеоном Бонапартом и совершившей поездку в совершенно другом направлении, чем А. Галич. Ее личный опыт нашел свое отражение в мемуарах *Dix années d'exil* [de Staël 1910], в которых изгнание приравнивалось к смерти и подчеркивалось, что перед ее лицом люди ведут себя более достойно, чем в случае потери родины⁷. А. Галич оказался западником с душой славянофила, который не мог существовать в чужой культурной

⁷ «On s'étonnera peut-être que je compare l'exil à la mort ; mais de grands hommes de l'antiquité et des temps modernes ont succombé à cette peine. On rencontre plus de braves contre l'échafaud que

среде. Родной земли ему не заменили ни микрокосмос русской диаспоры, ни западное демократическое общество, не нуждавшееся в его художественном слове. «Он и сам, – как писалось об А. Галиче в одном из тамиздатских журналов после его трагической смерти, – был подобен облакам, великий поэт, превращенный Россией в скитальца, в вечного и лишенного Родины странника» [Поэты... 1977]. Авторский пессимизм и чувство отчуждения отразились в автобиографических по своей природе лирических стихотворениях, содержащих опыт эмиграции, оказавшийся для самого А. Галича серьезным жизненным испытанием, повлияли также на формальную составляющую лирики 1974–1977 годов. Многие эмигрантские стихотворения А. Галича представляют собой «открытые» художественные тексты, которые поэту, увы, не удалось дописать до конца. В них наблюдается также отход от свойственной А. Галичу поэтики; отход, свидетельствующий о том, что вместе с изгнанием поменялись как сам поэт, так и его авторский почерк. Краткий анализ поэзии эмигрантского периода доказал, что она контрастирует с авторскими песнями эпического и лирического характера, возникшими до изгнания, и именно в этом внешнем факторе надо искать причины творческого поворота автора песни *Когда я вернусь...*

Библиография

- Andreeva D. 1978. *Rossii serdce ne zabudet... O tvorčestve Aleksandra Galiča*. «Grani» № 109: 215–228 [Андреева Д. 1978. *России сердце не забудет... О творчестве Александра Галича*. «Грани» № 109: 215–228].
- Betaki Vasilij. 2006. *Primečaniâ*. V: Galič A. *Stihotvoreniâ i poëmy*. Vstup. st., sost., podg. teksta i primeč. Betaki V. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademičeskij projekt». Izdatel'stvo DNK: 331–365 [Бетаки Василий. 2006. *Примечания*. В: Галич А. *Стихотворения и поэмы*. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Бетаки В. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект». Издательство ДНК: 331–365].
- Czermińska Małgorzata. 2011. *Miejsca autobiograficzne. Propozycja w ramach geopoetyki*. „Teksty Drugie” nr 5: 183–200.
- de Staël Germaine. 1910. *Dix années d'exil*. Paris: Renaissance du Livre.
- Galič Aleksandr. 1972. *Staryj princ*. «Kogda-nibud' došlyj istorik». «*Â v put' sobiralsâ vsegda nalegke...*». «*Ot bedy moej pustjakovoj*». *Pesnâ. Stih*. «Grani» № 83: 4–13 [Галич Александр. 1972. *Старый принц*. «*Когда-нибудь дошлый историк*». «*Я в путь собирался всегда налегке...*». «*От беды моей пустяковой*». *Песня. Стихи*. «Грани» № 83: 4–13].
- Galič Aleksandr. 1974. *Rus'. Zaklinanie Dobra i Zla. Stih*. «Grani» № 92–93: 3–7 [Галич Александр. 1974. *Русь. Заклинание Добра и Зла. Стихи*. «Грани» № 92–93: 3–7].
- Galič Aleksandr. 1975. *Cikl stihotvorenij*. «Kontinent» № 2: 83–93 [Галич Александр. 1975. *Цикл стихотворений*. «Континент» № 2: 83–93].

contre la partie de sa patrie. Dans tous les codes de lois, le bannissement perpétuel est considéré comme une des peines les plus sévères (...)» [de Staël 1910, 54].

- Galič Aleksandr. 2006. *Stihotvoreniâ i poëmy*. Vstup. st., sost., podg. teksta i primeč. Betaki V. Sankt-Peterburg: Gumanitarnoe agentstvo «Akademičeskij projekt». Izdatel'stvo DNK [Галич Александр. 2006. *Стихотворения и поэмы*. Вступ. ст., сост., подг. текста и примеч. Бетаки В. Санкт-Петербург: Гуманитарное агентство «Академический проект». Издательство ДНК].
- Krasovskij O. 1974. *Pât' dneĭ s Aleksandrom Galičem*. «Posev» № 10 (1209) oktâbr': 54–58 [Красовский О. 1974. *Пять дней с Александром Галичем*. «Посев» № 10 (1209) октябрь: 54–58].
- Opuľ'skij Al'bert. 1981. *Aleksandr Galič*. «Grani» № 119: 264–276 [Опульский Альберт. 1981. *Александр Галич*. «Грани» № 119: 264–276].
- Osiewicz Bartosz. 2016. *Formy i źródła poezji Aleksandra Galicza*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe UAM.
- Poëty ne umiraiūt*. 1977. «Vremâ i my» № 24: 4 [*Поэты не умирают*. 1977. «Время и мы» № 24: 4].
- Romanov Evgenij. 1978. *Vozvraŝenie. Pamâti Aleksandra Arkad'eviča Galiča*. «Posev» № 2 (1249) fevral': 2–3 [Романов Евгений. 1978. *Возвращение. Памяти Александра Аркадьевича Галича*. «Посев» № 2 (1249) февраль: 2–3].
- Rybicka Elżbieta. 2011. *Geopoetyka, geokrytyka, geokulturologia Analiza porównawcza pojęć*. „Białostockie Studia Literaturoznawcze” nr 2: 27–39.
- Rybicka Elżbieta. 2014. *Geopoetyka. Przestrzeń i miejsce we współczesnych teoriach i praktykach literackich*. Kraków: Towarzystwo Autorów i Wydawców Prac Naukowych Universitas.
- Sławiński Janusz. 2000. *Autobiografia*. W: *Słownik terminów literackich*. Red. Sławiński J. Wrocław–Warszawa–Kraków: Ossolineum: 50–51.
- U nas v gostâh. Vstreča s A. Galičem*. 1974. «Posev» № 7 (1206) iūl': 62–63 [*У нас в гостях. Встреча с А. Галичем*. 1974. «Посев» № 7 (1206) июль: 62–63].
- Unterman Alan. 2003. *Encyklopedia tradycji i legend żydowskich*. Z ang. przeł. Zienkiewicz O. Warszawa: Książka i Wiedza.
- Żuławski Juliusz. 1986. *Przedmowa*. W: Byron. *Wybór dzieł*. T. I: *Wiersze, poematy, „Wędrówki Czajld Harolda”*. Przeł. Kasprowicz J., Mickiewicz A., Odyniec A.E. i in. Wyb., przedm., red. i przyp. Żuławski J. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy: 5–38.
- (online) *Teatr Szutnik. Instytut Filologii Rosyjskiej i Ukrainskiej UAM. Ballada o Galiczu*, reż. Jatzczak G., scen. Osiewicz B., Poznań, 12.06.2017, <https://www.youtube.com/watch?v=Dys-ZOZJNlms> (dostęp 14.06.2019).
- (online) *Studenčeskij teatr «Šutnik»*, <https://touch.facebook.com/Szutnik/> (dostęp 14.06.2019)
- [*Студенческий театр «Шутник»*, <https://touch.facebook.com/Szutnik/> (доступ 14.06.2019)].

Summary

Experience of emigration in the poetry of Alexander Galich

This article is devoted to an analysis of the autobiographical experience of emigration in Alexander Galich's poetry. Galich's poetic texts are able to reflect the state of the writing subject, revealing to the reader the depth of his feelings and emotions and showing the features of his intimate world. The lyrics of Galich, an emigrant, are full of autobiographical experience and are rich in the “exile” time-spatial component associated with the author's biography. In formal-compositional terms, his poems are distinguished by a broken harmony and integrity. However, as life experience showed, emigration turned out to be a serious test for the writer, leaving an indelible mark on his psyche and creative legacy.

Keywords: Alexander Galich, emigration literature, auto/biographical methodology, geopoetic, auto/bio/geo/graphy

